УДК 811.111

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-32-39

СТРАТЕГИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСТИНЫ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Т. И. Семенова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Введение. Обосновано понятие дискурсивной стратегии уклонения от истины в новостном дискурсе и выявлена ее роль в конструировании идеологически предвзятой модели медиасобытия. Доказано, что когнитивное воздействие на формирование ментальной модели новостного события сопряжено с истинностным аспектом репрезентируемых медиасобытий, а точнее, с уклонением от истины. Обобщены мейотические формы отклонения от истины в разных типах дискурса и выявлены приемы уклонения от истины в манипулятивных целях.

Материал и методы. Применение методов дискурсивного и лингвокогнитивного анализа позволило выявить когнитивные механизмы и языковые средства реализации стратегии уклонения от истины в новостном дискурсе.

Результаты и обсуждение. Установлено, что уклонение от истины позволяет управлять стратегиями интерпретации дискурса, реализация которых обеспечивает понимание той информации, которая соответствует интересам доминирующих социальных групп. На примере дискурсивного конструирования инцидента с отравлением бывшего агента ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, номинируемого в англоязычном новостном дискурсе как russian spy poisoning, анализируются тактики манипулятивного уклонения от истины: референциальное манипулирование и фокусировочное манипулирование, выборочная переработка отдельных фрагментов информации, наиболее релевантных для формирования желательных ментальных моделей медиасобытия (preferred models). Выявляются когнитивные механизмы распределения внимания, связанные с выбором ракурса представления события, избирательностью источников информации, селективностью в использовании языковых средств. Анализируются языковые средства актуализации стратегии уклонения от истины (маркеры референтной диффузности, языковые единицы с семантикой неопределенности, подобия, сравнения, эвиденциальные и эпистемические маркеры), устанавливается их роль в дискурсивном манипулировании сознанием адресата.

Заключение. Результатом работы стал вывод о том, что уклонение от истины является дискурсивной стратегией внедрения в новостное сообщение правдоподобной информации в целях манипулятивного воздействия на сознание массового адресата, приемом воспроизводства идеологических социальных знаний. Полученные результаты вносят вклад в изучение новостного дискурса.

Ключевые слова: стратегия уклонения, новостной дискурс, неопределенность, хеджирование, фокусирование, сдвиг фокуса, манипуляция.

Введение

В современном информационном и коммуникативном обществе масс-медиа продуцируют социокультурные знания, идеологии, убеждения, оценки, социально релевантные нормы. Важным для кооперативного коммуникативного взаимодействия является совпадение намерений и целеполаганий коммуникантов. Однако в реальной коммуникации прагматический подход к нормам и принципам коммуникации, сформулированный П. Грайсом [1], соблюдается далеко не всегда. Участники коммуникации говорят неправду, недоговаривают, уклоняются от темы, скрывают смысловое наполнение содержания высказывания, замалчивают релевантную информацию, другими словами, уклоняются от истины. Нарушение коммуникативных максим и правил коммуникации может носить и манипулятивный характер. В ходе дискурсивных практик частую речь уже не идет о способах получения достоверной информации, механизм добывания истины заменяется «механизмом манипулирования по поводу истины» [2, с. 72]. Дискурсивные спосо-

бы внедрения правдоподобной информации позволяют замаскировать истинное положение вещей с тем, чтобы привести участника акта общения к ложным выводам, к ошибке или заблуждению, ввести адресата в заблуждение, обеспечить манипулирование ментальными состояниями. И хотя лингвистика, говоря словами В. И. Шаховского, не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она «может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь» [3, с. 292].

Результаты и обсуждение

Истина принадлежит к числу основных концептов, регулирующих взаимодействие человека с действительностью и другими людьми. Словарное толкование дефинирует истину как ‘то что есть в действительности, соответствует действительности’, истина и значит ‘подлинный, настоящий’, в противовес ‘ненастоящему, ложному, мнимому, поддельному’ [4]. Истина, как и факт, локализована в эпистемическом пространстве, она входит в интенциональные контексты: истину знают, ее под-

тверждают, постигают, осознают. С точки зрения прагматики истина и ложь являются далеко не единственными когнитивными состояниями, поскольку в человеческой системе знаний всегда существуют высказывания, о которых неизвестно, истинны они или ложны. Таким образом, между двумя крайними точками диапазона истинностных значений «истина – ложь» оказывается континуум ментальных сущностей с разной степенью уклонения от истины (неопределенность, полуправда, ложь, кажимость, заблуждение, видимость, ошибка). Осознание человеком двойственности бытия преломляется в оппозиции, в которой истина противопоставляется ненастоящему, ложному, кажущемуся, мнимому. Истина концептуализируется в языковом сознании как скрытая цель, к которой стремятся, истину ищут, открывают [5]. Однако в дискурсивных практиках целью может быть не только стремление знать истинное положение вещей, но и намерение скрыть истину, завуалировать ее, уклониться от истины.

В этически нормативном общении «грация правды» оказывается адресатно ориентированной как «смягченная правда в интересах собеседника» [6, с. 335–337]. Осознанная интенция говорящего затушевать, завуалировать определенную часть информации лежит в основе дискурсивной стратегии уклонения [7]. Цель уклонения как стратегии состоит в том, чтобы, не нарушая связности коммуникации, отвлечь собеседника от осуществления его коммуникативного намерения и сохранить собственное лицо [7, с. 293]. Намеренное отклонение от истинностной оценки в речевом взаимодействии связано с принципом вежливости – понятием сохранения лица, введенного Е. Гоффманом [8]. Стратегия уклонения в межличностной коммуникации нацелена на соблюдение максим вежливости, на избегание конфликтных ситуаций, на снижение категоричности оценок. В. И. Шаховский выделяет мейотические формы деинтенсификации негативных оценок как этические и коммуникативные регулятивы, позволяющие дозировать сообщаемую правду, уклоняясь от истины. В таких случаях конвенциональность речевого поведения может противостоять его истинности [6]. Стратегия уклонения признается значимой в институциональном, бытовом, художественном типах дискурса. Так, в дипломатическом дискурсе стратегия уклонения и реализующие ее тактики способствуют достижению коммуникативной цели завуалировать отрицательный ответ на вопрос [9]. В политической коммуникации, в частности в жанре политического интервью, исследуется стратегия политического уклонения, лингвистическими средствами реализации которой являются неполные, частичные, фрагментарные ответы на нежелательные вопросы

[10]. В основе стратегии уклонения лежит когнитивный механизм дефокусирования, суть которого заключается в выведении из фокуса внимания определенных свойств объектов и ситуаций, осуществляемом говорящим с помощью различных языковых единиц [7, с. 13].

Уклонение от истины со стороны и в интересах говорящего в манипулятивных целях предполагает целенаправленное преобразование информации при помощи языковых средств, сокрытие определенных элементов референтной ситуации, понижение степени их выделенности, т. е. конструирование эпистемического мира, в котором неопределенность, умышленная и неумышленная ложь, ошибка, правдоподобие выступают в виде некоторого знания, входят в эпистемический контекст. В таком альтернативном эпистемическом мире правду можно замаскировать эпистемическими состояниями с разной степенью достоверности – полуправдой, полуистиной, почти ложью, недосказанностью, замалчиванием. Уместно в данном случае сказать словами Н. Д. Арутюновой: «правда становится предметом манипуляций, направленных преимущественно на ее дозирование» [11, с. 612]. Манипуляция истиной воплощает, по меткому замечанию ученого, «лукавство человека», его намерение сокрыть, завуалировать истинностную оценку или «прикрыть ее лицо маской правдоподобия» [11, с. 545–546]. Полуправда, хотя и содержит на концептуальном уровне элементы правдивой информации, принадлежит тем не менее семантическому полю лжи [12]. Однако маскировка ложных пропозиций правдоподобными позволяет создавать видимость, кажимость истинности.

Уклонение от истины как способ манипулятивного воздействия, результатом которого является формирование ложных пропозиций, находит отражение в выборе соответствующих когнитивных механизмов и языковых средств конструирования мнимого мира. Использование языковых механизмов непрямого когнитивного воздействия на сознание адресата, таких как языковая демагогия, речевые импликатуры, навязывание суждений под видом пресуппозиций, противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности [13], являются эффективными приемами формирования предвзятой модели мира, воспроизводства идеологических социальных знаний. Метаязыковые показатели со значением истинности (доподлинно известно, по истине, воистину) в обыденном дискурсе зачастую реализуют речевые стратегии «манипуляции с истиной» [14, с. 138]. Стратегию уклонения от истины в политическом дискурсе актуализируют эвфемизмы, посредством которых маскируются негативные характеристики исходного концепта [15]. Прагматические ограничители (англ. hedge/hedging)

выступают как дискурсивные средства уклонения говорящего от ответственности за содержание высказывания [16]. Когнитивно-прагматический прием хеджирования функционирует как средство суггестивного воздействия в политическом дискурсе [17].

В основе стратегии уклонения от истины лежат, как убедительно доказывает Е. И. Шейгал, два типа манипулятивного уклонения от истины: референциальное манипулирование и фокусировочное манипулирование. Референциальное манипулирование обусловлено искажением образа денотата/референта в процессе обозначения действительности. В рамках референциального манипулирования выделяют фактологическое манипулирование как искажение фактов (ложь, подтасовка фактов, преувеличение, недоговорки, создание референциальной неопределенности). Фокусировочное манипулирование определяется как сдвиг прагматического фокуса. Основой второго типа уклонения от истины признается аргументативное манипулирование как нарушение постулатов общения [18].

Одна из эффективных форм манипуляции реализуется посредством контроля над стратегиями интерпретации дискурса, реализация которых позволяет обеспечить понимание той информации, которая соответствует интересам доминирующих социальных групп и институтов, и наоборот – скрыть или распылить информацию, которая их интересам противоречит [19, с. 260–262]. Производство и восприятие текстов новостей рассматривается как «одна из форм конструирования социальной действительности» [20, с. 133], результатом которой является новость как «социальный конструкт» [21, с. 2]. Когнитивные процессы конструирования новостных сообщений носят стратегический характер. Это означает, что данные процессы являются «целенаправленными ментальными операциями по переработке информации в режиме реального времени одновременно на нескольких уровнях [19, с. 207]. Создание новостей оказывается процессом, совмещающим в себе социальные и когнитивные акты и стратегии. Т. А. ван Дейк характеризует стратегию как свойство когнитивного плана общения, как общую организацию некоторой последовательности действий, которая «контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом» [20, с. 274]. Автор выделяет когнитивное измерение стратегии (планирование, контроль, способы обработки сложной информации в памяти) и речевое измерение (лингвистические и интеракциональные характеристики, свойства речевого взаимодействия [20, с. 277]. Репрезентация, воспроизведение новостных событий и в целом формирование информационной (новостной) картины предполагают «набор кон-

структивных стратегий, находящихся под социальным и идеологическим контролем» [20, с. 150]. Новостные сообщения не только описывают текущие события и их возможные последствия, но и существенным образом отражают мнения, установки, убеждения институциональных субъектов.

В формировании новостной значимости сообщений о событиях в мире задействованы когнитивные механизмы распределения внимания, связанные с отбором фактов, с выбором ракурса представления события, избирательностью источников информации, селективностью в использовании языковых средств. В новостных медиа стратегический контроль над знанием реализуется с помощью ограничения выбора тем и шире, с помощью специфических способов конструирования социальной и политической реальности. Воздействующий потенциал новостного дискурса заключается в управлении знаниями, мнениями реципиентов, в формировании социальных когниций, другими словами, в индуцировании «желаемых семантических представлений и соответствующих моделей у слушающего» [20, с. 279]. По отношению к новостному дискурсу как особому виду дискурса массовой коммуникации [20, с. 231], его «стержневому компоненту» [22], стратегия уклонения, говоря словами Т. А. ван Дейка, состоит в том, «чтобы дискурсивными способами обеспечить воздействие на систему ценностей, мнений, с тем чтобы вывести в фокус те элементы ментальных моделей, которые соответствуют интересам власти» [19, с. 263].

Выбор когнитивных механизмов и языковых средств позволяет сформировать ментальную модель события, в которой образ конструируемого объекта зависит от точки зрения говорящего и от его намерения выделить или затемнить те или иные его стороны. Когнитивное воздействие на формирование ментальной модели новостного события сопряжено с истинностным аспектом репрезентируемых медиасобытий, а точнее, с уклонением от истины. Уклонение от истины понимается как совокупность тактик, как «набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения» [20, с. 298]. Когнитивной основой стратегии уклонения от истины являются механизмы фокусирования/дефокусирования информации, которые определяют, какую релевантную информацию из событийных моделей следует включить в семантическую репрезентацию новостных текстов, с тем чтобы ментальные трансформации соответствовали ожиданиям и интересам власти. Распределение внимания в медийных текстах нацелено на формирование селективного знания посредством исключения альтернативных источников информации, альтернативной информации, условий альтернативного описания событий [20, с. 80].

Примером реализации стратегии уклонения от истины может служить дискурсивное конструирование инцидента с отравлением бывшего агента ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, номинируемого в англоязычном новостном дискурсе как Russian spy poisoning. Стратегия уклонения от истины предполагает выборочную переработку отдельных фрагментов информации, наиболее релевантных для формирования желательных моделей (preferred models) определенных ситуаций. Ситуационная ментальная модель вышеназванного события объективирована пропозициями, содержащими фактуальную информацию о том, что Сергей Скрипаль и его дочь Юлия были найдены без сознания на скамейке в торговом центре Солсбери и доставлены в больницу, ср.: Sergei Skripal and his 33-year-old daughter were found in an unconscious state on a bench in a shopping center in Salisbury on March 4 and were taken to hospital sparking a major incident in the UK (<https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>).

Информация об участниках, конкретных пространственных и временных параметрах, сопутствующих обстоятельствах инцидента, представлена в модусе достоверности посредством имплицитной модальной рамки. В ходе дискурсивной репрезентации референтного события модус достоверности уступает место модусам неопределенности, правдоподобия, полуправды, лжи и, как результат, конструируется идеологически пристрастная ментальная модель ситуации, в которой вышеназванный инцидент концептуализируется как акт агрессии, как покушение на убийство мирных жителей, вина за которое возлагается на Россию, что закрепляется оценочными номинациями с негативной коннотацией, ср.: brazen attempt/monstrous act/reckless and indiscriminate attack/poison attack/murderous assault/heinous act. Эмоциональные аргументы являются манипулятивным приемом, посредством которого адресат может поверить в конструируемый сценарий покушения.

Известно, что в качестве ключевого аргумента виновности России выдвигается утверждение о якобы российском происхождении отравляющего вещества «Новичок», однако эта информация представлена в модусе неопределенности, маркером которого являются таксономические лексемы kind of, sort of, языковые единицы с семантикой неопределенности, подобия, сравнения (a substance like), ср.: Salisbury nerve agent was novichok of a kind produced by the Russian state (<https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>); In an interview on Monday, Secretary of State Rex. W. Tillerson expressed astonishment at the use in a public space of a substance like the

world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html). Стратегия уклонения от истины заключается в сдвиге фокуса внимания с объекта, поддающегося точной идентификации, на объект подобный, чем-то похожий, типа того, что существует на самом деле. Сдвиг в сторону неопределенности «является одним из механизмов дефокусирования, связанных с размытием семантического фокуса, расширением его референтных границ» [7, с. 236]. Референтная диффузность служит имитации подлинности в расчете на то, что адресат поверит в истинность сообщаемого или, по крайней мере, в высокую степень вероятности предлагаемой версии события. Более того, считается, что чем «менее точным является значение выражения, тем больше свободы получает интерпретатор при достраивании когнитивных пробелов» [7, с. 101]. Расплывчатая семантика языка, по словам В. З. Демьянкова, способствует гибкому внедрению в чужое сознание [23]. Несмотря на референтную диффузность, отравляющее вещество *типа того, что производят в России*, на дискурсивном уровне получает истинностную оценку, т. е. подается в статусе факта. Импликация российской природы «Новичка» выводится из семантики притяжательного местоимения *its* (*ее/свое/принадлежащий ей*) в высказывании о том, что Москва проигнорировала представление объяснений относительно использования *своего* боевого отравляющего вещества в покушении на двойного агента, ср.: Moscow ignored a midnight deadline to explain how *its* nerve weapon was used in the attempted assassination of a former double agent (<https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>). В дискурсивном конструировании инцидента с отравлением в Эймсбери выявленное отравляющее вещество идентифицируется уже как *то же самое, которое было использовано в отравлении Скрипалей*, т. е. дейктически устанавливается тождественность объектов (отравляющих веществ) в двух референтных ситуациях, ср.: Security services believe the couple were inadvertently exposed to *the same nerve agent* used to attack Sergei Skripal and his daughter Yulia four months ago (<https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/amesbury-salisbury-nerve-agent-8437776.html>). Тождество коррелирует с истиной, ему присущи признаки фактуальности, константности, независимости от человека, однако в приведенных выше фрагментах речь идет не столько о тождественных, сколько об отождествляемых сущностях, поскольку идентификация объектов представлена в модусе полагания (сотрудники спецслужб *считают/полагают, что это то же самое отравляющее вещество*), что свидетельствует о реализации стратегии уклонения от истины в манипулятивных целях.

Уклонение от истины реализуется за счет селективного представления или ограничения, намеренного устранения значимой части информации из сферы внимания слушающего, если она противоречит интересам институциональных субъектов. Правительства, политические, государственные организации, полиция выступают в виде «эпистемических авторитетов» [24], обладающих доступом к фактам, сведениям, которые в ходе дискурсивных практик могут быть представлены выборочно, дозированно. Так, ссылка в новостных сообщениях на время и место разработки химического оружия фокусирует внимание адресата на факте производства отравляющего вещества в период Советского Союза, однако замалчивается отказ страны под руководством М. Горбачева в тот период от разработки и использования химоружия, и вводится необоснованное утверждение о якобы продолжающихся секретных разработках, ср.: *Novichok was developed in Moscow in 1987 at the Scientific Research Institute for Organic Chemistry and Technology. The Soviet Union, under Mikhail Gorbachev, renounced the development and use of chemical weapons, but research continued in secret* (<https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>). Таким образом, читателя подводят к выводу о том, что Скрипалей отравили именно тем веществом, которое было произведено еще во времена Советского Союза, что аргументируется ссылкой на заключение экспертов об источнике отравляющего вещества, ср.: *Scientists have determined the Skripals were poisoned using novichok, a nerve agent produced in the Soviet Union* (<https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>). Для цели нашего исследования важно отметить, что с помощью ссылки на авторитетный источник или авторитетное мнение «достигается доверие, а не истина» [19, с. 147]. Профилирование, фокусирование одних аспектов референтной ситуации и дефокусирование других в манипулятивных целях можно осмыслить сквозь призму «когнитивных доминант речевого взаимодействия» [25]. Тематический принцип оформления дискурса предопределяет вариативность языковых средств формирования «предпочтительных смыслов», манипулятивные игры с поворотом информации, манипулятивную репрезентацию одного из элементов фрейма [25, с. 17]. Уклонение от истины как дозированная подача информации заключается в том, чтобы наряду с достоверной информацией представить недостоверную, необоснованную, правдоподобную. Как следствие, подтасовка фактов, недосказанность рассматриваются как формы манипуляции, как «злоупотребление дискурсивной властью» [20, с. 260].

Манипуляция информацией в интересах говорящего заключается также в смене тематического

фокуса. Так, в ситуации, когда эксперты оказываются неспособными выявить страну-производителя отравляющего вещества и, соответственно, подтвердить российскую природу «Новичка» как ключевого доказательства «русского следа», происходит смена фокуса референтного события. Фокус смещается на новый аспект ситуации – на наличие других доказательств вины России в инциденте отравления. При этом оказывается, что «Новичок» – лишь одно из составляющих обвинения России (*just part of the reason/only one of those sources*), что эксплицируют лексемы-ограничители *just, only*. Судя по новостным сообщениям, правительство располагает другими источниками, чтобы сформировать заключение по делу об отравлении (*a number of other sources which the government has access to*). Однако вышеупомянутые источники представлены в модусе референциальной неопределенности.

С семантикой неопределенности граничит значение генерализации как дискурсивной стратегии воздействия на систему убеждений, мнений и ценностей. Дискурс, описывающий ситуацию отравления Скрипалей, не только является основой ментальных моделей, но и формирует более общие суждения, т. е. эмоционально нагруженное событие, оказавшее сильное влияние на ментальные модели реципиентов, обобщается «до уровня общепринятых знаний или отношений, а иногда и фундаментальных идеологий» [20, с. 297]. В высказывании министра иностранных дел Великобритании Б. Джонсона реализуется коммуникативный переход от единичного события – *атака* (*the attack*), как уже известного адресату, к обобщению относительно использования отравляющих веществ якобы по приказу Путина «на улицах Великобритании и на улицах Европы», что не соответствует действительности, но в манипулятивных целях актуализирует новое знание о масштабах угрозы, связанной с покушениями на мирных жителей, ср.: *We think it overwhelmingly likely that it was his decision to direct the use of a nerve agent on the streets of the UK, on the streets of Europe, for the first time since the Second World War* (Johnson <http://www.bbc.com/news/uk-43429152> 04/04/2018). Грамматическим средством выведения модели частного события на уровень социальных репрезентаций является множественное число существительных. Языковым механизмом генерализации является и категориальное значение отрицания. Так, высказывание представителя США при Организации Объединенных Наций Ники Хейли содержит отрицательную пропозицию, вербализующую суждение о том, что отравление Скрипалей «не является изолированным, единичным случаем», ср.: *Haley said the poison attack is «Russia's crime» and added the use of chemical*

weapons was «not an isolated incident» (<https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/nikki-haley-russia-poisoning-former-spy-britain-unmay-white-house-a8256511.html>). Отрицание факта единичного события (isolated – happening only once) каузирует идеологически предвзятое обобщающее мнение о многократности, повторяемости актов насилия, за которыми якобы стоит Россия. Стратегия генерализации, так же как и стратегия уклонения от истины, является когнитивным механизмом воздействия на систему убеждений, мнений и ценностей, стабильных социальных репрезентаций реципиента.

Заключение

Подводя общий итог, следует отметить, что уклонение от истины является дискурсивной стратегией внедрения правдоподобной информации в ментальные модели новостных событий в целях манипулятивного воздействия на сознание массового адресата, приемом воспроизводства идеологических социальных знаний. В ходе исследования были выявлены когнитивные механизмы и языковые средства конструирования моделей ситуации, отвечающих интересам доминирующих социальных групп. Полученные результаты вносят вклад в изучение манипулятивного потенциала новостного дискурса.

Список литературы

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–337.
2. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005. 192 с.
3. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016. 504 с.
4. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
5. Смирнова Е. Е. Смысловое наполнение концептов ПРАВДА и ИСТИНА в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 25 с.
6. Шаховский В. И., Тахтарова С. С. Мейотические формы отклонения от истины // Между ложью и фантазией. Логический анализ языка М.: Индрик, 2008. С. 334–343.
7. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
8. Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–346.
9. Друцэ А. Ю. Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе // Вестн. МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 2 (18). 2015. С. 98–106.
10. Иньиго-Мора И., Делиджорджи К. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 78–90.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
12. Мечковская Н. Б. Два взгляда на правду и ложь, или О различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 456–470.
13. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
14. Радбиль Т. Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М.: Гнозис, 2016. С. 137–149.
15. Миронина А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 19 с.
16. Fraser B. Hedged performatives // Syntax and Symantics / Cole P. and Morgan (eds). N. Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 187–210.
17. Осипов Г. А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 26 с.
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
19. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. 2-е изд. М.: УРСС; ЛИБРОКОМ, 2013. 352 с.
20. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
21. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. London; N. Y.: Routledge, 1991. 254 p.
22. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, 2016. С. 13–22.
23. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.
24. Dijk T. A. van. Discourse and knowledge: A Sociocognitive approach. Cambridge University Press, 2014. 549 p.

25. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

Семенова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025). E-mail: tisenenova54@mail.ru

Материал поступил в редакцию 08.07.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-32-39

EVASION STRATEGY IN NEWS DISCOURSE

T. I. Semenova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. The study focuses on news discourse and on its persuasive dimension in particular. News discourse has a number of standard strategies to promote the persuasive process for assertions. If propositions are to be accepted as true or plausible, there must be special means to enhance their appearance of truth and plausibility.

Material and methods. The theoretical perspective of the paper is the critical epistemic discourse analysis proposed by T. A. van Dijk. The paper considers mental representation of the event nominated in British and American mass media as RUSSIAN SPY POISONING.

Results and discussion. The study highlights the evasion strategy as a form of discourse-based mental influence in news discourse. From a pragmatic approach evasion is viewed as violation of one of the conversational maxims formulated by P. Grice which requires contributions to conversations to be truthful. The author claims that the aim of the evasion strategy in representing news is to discursively emphasize those properties of mental models that are consistent with the interests of the dominant social groups and discursively deemphasize those properties that are inconsistent with their interests. Consequently, evasion strategy results in partial, incomplete or biased understanding of the news story in the interests of a dominant social group. Evasion presupposes formulation of meanings in such a way that they are not merely understood but also accepted as the truth or at least as a possible truth. The article discusses strategic devices of evasion like hedging, referential vagueness, focus shift, selective use of evidential and epistemic markers, half truth.

Conclusion. The author comes to the conclusion that evasion strategy contributes to the formation or reactivation of preferred mental models and may thus be used in manipulative discourse use.

Keywords: *evasion strategy, news discourse, vagueness, hedging, foregrounding, focus shift, manipulation.*

References

1. Grays G. P. Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and verbal communication]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Vol. XVI. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985. Pp. 217–337 (in Russian).
2. Baryshkov V. P. Aksiologiya lichnostnogo bytiya [Axiology of personal being]. Moscow, Logos Publ., 2005. 192 p. (in Russian).
3. Shakhovskiy V. I. Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii [Dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: man, language, emotions]. Volgograd, 2016. 504 p. (in Russian).
4. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Redkol.: S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichev i dr. [Philosophical Encyclopedic Dictionary. Ed. by S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichev, et al.]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989. 815 p. (in Russian).
5. Smirnova Ye. Ye. *Smyslovoye napolneniye kontseptov PRAVDA i ISTINA v russkom yazykovom soznanii i ikh yazykovaya ob'yektivatsiya v sovremennoy russkoy rechi. Avto ref. dis. kand. filol. nauk* [Semantic content of the concepts of TRUTH and TRUE in the Russian language consciousness and their language objectification in modern Russian speech. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2016. 25 p. (in Russian).
6. Shakhovskiy V. I., Takhtarova S. S. Meyoticheskiye formy otkloneniya ot istiny [Meiotic forms of prevarication]. *Mezhd u lozh'yu i fantaziyey. Logicheskiy analiz yazyka* [Between lie and fantasy. Logical analysis of language]. Moscow, Indrik Publ., 2008. Pp. 334–343 (in Russian).
7. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2014. 320 p. (in Russian).
8. Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, Penguin Publ., 1972. Pp. 319–346.
9. Drutse A. Yu. Realizatsiya strategiy i takt ukloneniya ot otveta v sovremennoy diplomaticheskoy diskurse [Realization of strategies and tactics of evading response in modern diplomatic discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye"* – *Vestnik of Moscow city teacher training university. Philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, 2015, no. 2 (18), pp. 98–106 (in Russian).
10. In'igo-Mora I., Delidzhordzhi K. Strategiya ukloneniya v politicheskom interv'yu: analiz televizionnykh interv'yu Toni Blera [Evasion in political interviews: an analysis of televised interviews with Tony Blair]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2007, no. 3 (23), pp. 78–90 (in Russian).
11. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).

13. Mechkovskaya N. B. Dva vzglyada na pravdu i lozh', ili o razlichiyakh mezhdu yazykovoy kartinoy mira i obydnym soznaniyem [Two views of truth and lie or the differences between the linguistic picture of the world and everyday consciousness]. *Logicheskiy analiz yazyka. Mezhdue lozh'yu i fantaziiyey* [Logical analysis of language. Between lie and fantasy]. Moscow, Indrik Publ., 2008. Pp. 456–470 (in Russian).
14. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 576 p. (in Russian).
15. Radbil' T. B. Metayazykovyye pokazateli so znacheniyem istinnosti v rechevykh strategiyyakh de re [Metalinguage indicators with truth values in speech strategies de re]. *Logicheskiy analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epoch* [Logical analysis of language. Information structure of texts of different genres and ages]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. Pp. 137–149 (in Russian).
16. Mironina A. Yu. *Politicheskiye evfemizmy kak sredstvo realizatsii strategii ukloneniya ot istiny v sovremennom politicheskom diskurse (na materiale publichnykh vystupleniy B. Obamy). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Political euphemisms as a means of implementing a strategy of aberration in modern political discourse (based on B. Obama's public speeches). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2012. 19 p. (in Russian).
17. Fraser B. Hedged performatives. In Cole P. and Morgan (eds). *Syntax and Symantics*. Vol. 3. N. Y., Academic Press. Pp. 187–210.
18. Osipov G. A. *Khedzhirovaniye kak kognitivno-pragmaticheskiy priyem suggestii v politicheskom diskurse. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Hedging as a cognitive-pragmatic method of suggestion in political discourse. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Maikop, 2013. 26 p. (in Russian).
19. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 386 p. (in Russian).
20. Deyk T. A. van. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Izd. 2-e* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication. 2nd edition]. Moscow, URSS, LIBROKOM Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
21. Deyk van T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).
22. Fowler R. *Language in the news: Discourse and ideology in the press*. London, N. Y., Routledge, 1991. 254 p.
23. Dobrosklonskaya T. G. Novostnoy diskurs kak ob"yekt medialingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of medialinguistic analysis]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Aktual'nyye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom: II Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar* [Discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education: II International Scientific and Practical Conference. Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad: II International Scientific Seminar]. Belgorod, 2016. Pp. 13–22 (in Russian).
24. Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya – Political science. Political Discourse: History and Modern Studies*. Moscow, 2002, no. 3, pp. 32–43 (in Russian).
25. Dijk T. A. van. *Discourse and knowledge: A Sociocognitive approach*. Cambridge University Press, 2014. 549 p.
26. Boldyrev N. N., Grigor'yeva V. S. Kognitivnyye dominanty rechevogo vzaimodeystviya [Cognitive dominants of speech interaction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2018, no. 4, pp. 15–24 (in Russian).

Semenova T. I., Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025). E-mail: tisemenova54@mail.ru